

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Воскресное утро в Париже

1

Первое воскресенье сентября выдалось голубым. В эту пору летнее великолепие, прежде чем замерцают осенние краски, еще нередко предстает в праздничной плотности. Ночи становятся прохладнее, отчего на рассвете выпадает роса, а утренние часы — мягче и приятнее. Кроны деревьев темнеют, как будто их выбили на небе чеканкой. И в городах уже свежее; появляется налет роскоши и радости.

Герхард стоял перед клумбами на площади Трините. Садовники успели высадить первые осенние цветы. На узкой рабатке, выбиваясь из светлой зелени, отцветали канны. Их ленту перерезали круглые клумбы звездчатых голубых астр. Цветы сияли в солнечном свете. Вокруг них с жужжанием носились пчелы и бабочки-цветочницы. На пестром ковре отдыхала бабочка-адмирал с кирпичного цвета полосками. Она медленно поворачивалась на цветочном бархате и временами лениво поводила крыльями. Должно

быть, летела издалека, над высокими крышами. К ней присоединилась вторая. Бабочки закружились и, уходя от взоров, взмыли в синеву.

Со стороны Сен-Лазара доносились тонкие голоса мальчишек, продающих воскресные выпуски газет. Зазвонили колокола, и повалившая из церковных дверей празднично-нарядная толпа потянулась к экипажам на площади. Свадьба. Перед молодоженами на ковровую дорожку посыпались рисовые зерна. Зрелище вывело Герхарда из праздного созерцания. Он смешался с гостями, которые затем, когда экипажи разъехались, снова разошлись. Потом, будто ему безразлично, каким путем идти, свернул на улицу Бланш и зашагал в горку.

Тень домов давала прохладу; улицы недавно полили водой, еще стекавшей с тротуаров. В обычно шумном деловитом квартале этим утром было тише; исчезли лотки с рыбой, фруктами, овощами. Сегодня здесь продавали только цветы. Город казался пустынным и тем самым торжественнее; многие проводили время у реки или в предместьях. До сих пор отъезжали последние машины, до отказа забитые молодыми людьми и их пестро разодетыми спутницами. День они пробудут на природе и вернутся поздно. Лошади шли шагом; копыта скользили по крутому брусчатому подъему.

Хотя Герхард жил в городе уже больше года, каждая такая прогулка была для него таинством. Он ходил словно не по площадям и улицам, а блуждал по анфиладам и коридорам большого незнакомого дома или в лабиринтах проложенных в слоистом камне шахт. Иногда в переулках, на перекрестках колдовство становилось особенно явственным. Герхард едва ли отдавал себе в том отчет. Его захватывали не столько дворцы и памятники — свидетели исторического прошлого, сколько безымянная жизнь — материал судьбы, из которого наподобие кораллового рифа создавалась столица. Поэтому в кварталах, за столетия выросших вопреки всем правилам архитектуры и будто вставленных один в другой, он чувствовал себя особенно хорошо. Здесь отжили, отстрадали и отрадовались мириады неведомых людей. Столько же их по-прежнему населяло этот клочок земли. Они питали и строительный раствор. Субстанция невероятно, волшебным образом уплотнилась. И Герхарда не оставляло ощущение, будто волшебство в любую секунду может принять форму — благодаря письму, известию, встрече или приключению, как бывает в садах фей и пещерах, где таятся сокровища.

Во время прогулок его наполняла огромная нежность. Он был настроен, как отдохнувшая струна, которой почти не нужна человеческая

рука. Чтобы она зазвучала, довольно дуновения ветра, солнечного луча. Первозданность окружала его мерцающим сиянием, видимым даже при тупленному взгляду.

Герхард свернул на пустынную улицу Шапталь. Слева по обе стороны тупика пестрели афиши. Тупик упирался в крошечный театрик, помимо танзалов и других увеселительных заведений общавший склону своеобразие. Сейчас Шапталь словно вымерла, но с наступлением ночи засверкает сказочным светом.

Герхард помнил эту сцену, она входила в число особых мест, непременно посещаемых иностранцами. Ее было необходимо увидеть наряду с катакомбами, моргом на острове и огромным кладбищем Пер-Лашез. Тут тоже становилось жутковато; ставили только страшные пьесы. Они ответвились от стилистики старинного вертепного театра, преобразившись в леденящие душу, по-марионеточному нескладные сюжеты. Как правило, первый визит не побуждал к повторным, однако театр сумел из местных низов создать публику, отвечающую его специфике: мужчины с сильными подбородками и выбритыми затылками и сопровождающие их ярко накрашенные девицы. Встречались и чудачки: дряхлое старичье, иностранцы, отмеченные шрамами пуританского воспитания,

и подростки, полные жадной беспримесной бдительности. Лук вибрировал, его пока не опробовали. Впрочем, возможно, он провис — от власти, богатства или распутной жизни; в напряжении его держала только острейшая, щекотная заманчивость, после трех ударов режиссера объединявшаяся с увлекательностью, какую порождает неприкрытая жестокость. А вдобавок святотатство, ведь театр разместился в капелле давно упраздненного монастыря и особенности постройки почти не изменились. Вы будто находились на хорах во время черной мессы, которую служат нечестивые монахи.

Герхард остановился у входа и принялся изучать афиши.

НОВАЯ СИНЯЯ БОРОДА
РЕАЛИСТИЧЕСКАЯ ПЬЕСА
ЛЕОНА ГРАНДЬЕ
В ТРЕХ АКТАХ

Далее следовали действующие лица и имена исполнителей. Буквы, похоже, вывели кисточкой, с них стекали красные капли. Наверху бородатый мужчина с ножом в зубах он выпрыгивал из окна.

Тема была актуальная. Газеты изобиловали сообщениями о злодеяниях убийцы, уже несколько

месяцев лютовавшего в Лондоне. Создавалось впечатление, будто он выбирал жертв исключительно среди женщин, да и среди них только девиц легкого поведения, актрис из пригородов, балаганных певичек — короче, представительниц околкриминальных кругов. Это отдавало мерзостью, словно хищная рыба проникла в сточные воды; с каждым убийством напряжение росло, распространяясь на все европейские города. В чуде, судя по всему, сочетались непомерная дерзость и осторожность зверя — его еще никто не видел.

Не существует безвкусия или кошмара, не влекущих человека или даже не склоняющих его к подражанию, так и здесь. Все крупные города населяют души, падкие на славу, окружающую уголовный мир. Неудивительно, что театр, на сцене которого не ставили ни одной пьесы, где бы не показывали кровь, подхватил сенсацию. Герхард быстро прошел мимо. Место не для него.

2

До улицы Пигаль оставалось всего несколько шагов. По ней Герхард дошел до одноименной площади. Прорезающий ее широкий бульвар оказался оживленнее; по нему не спеша катили два ряда экипажей. Ехали они то шагом, то, когда кучера кнутом охаживали лошадей по бокам, ры-

сью. В глубине, откинувшись, сидели мужчины в высоких шляпах, в приятной задумчивости предвкушающие обед, а также супружеские пары и дамы, затенявшие лицо парасолем.

Столики перед кафе были заполнены. Официанты в белых куртках деловито спешили из дверей, несли стаканы с разноцветными напитками, подле которых ставили большие графины воды со льдом. Посетители, по временам кивая знакомым, беседовали, или читали газеты, или неприужденно наблюдали за потоком экипажей и прохожих, двигавшихся вплотную к их стульям.

Центральный участок крупной городской артерии представлял собой аллею. От проезжей части ее отделяли два ряда деревьев. По вечерам бесчисленные разноцветные лампочки освещали их для гуляющих толп. В этот час в зеленой тени попадались и всадники. Кое-где толпились праздные гуляки — шпагоглотатели и акробаты разворачивали там коврики и демонстрировали свое искусство, а потом с жестяной кружкой обходили зрителей и собирали медяки. После небольшого перерыва сигнал рожка объявлял следующий номер.

Герхард шел по той стороне, где высится Коллеж Роллен. Здесь тротуар был свободнее, прохожих мало. Как во всех больших городах две стороны одной улицы могут отличаться атмосферой, так и здесь женщины, казалось, одеты эле-

гантнее, чем у кафе. Они медленно проплывали в воскресных нарядах; легкие вуали едва скрывали черты. Несмотря на жару, все надели длинные перчатки и раскрыли зонтики из опасения, как бы солнечный луч не упал на лицо, где светились большие глаза. Иногда их взгляды с выражением изумления выхватывали Герхарда и мечтательно опускались долу.

Герхард, когда его почти задевали женские юбки, слышал шуршание шелка, похожее на долетевший с ветром шум далекого прибоя. И его неизменно охватывал благоговейный трепет, как перед возвышенной картиной, будто богини являли ему свой образ; за ними следовали феи и волшебницы.

И всякий раз он удивлялся, даже изумлялся, видя женщин в обществе мужчин. Приблизиться к ним казалось ему невообразимой наглостью. Но с женщинами можно вести чудесные, возвышающие разговоры; Герхард чувствовал это, угадывал. Только он и рта не сможет раскрыть — иллюзий на сей счет молодой человек не питал. В мечтах он был женщинам слугой, а еще доверенным лицом. Воображал себя их спасителем в трудную минуту, а свою судьбу — связанной с их судьбой на путях, что описывают в романах.

Его наружность, однако, не давала оснований для подобных опасений. Почти все молодые люди

проходят через такую фазу чувствительности. У Герхарда она, пожалуй, стала слишком обостренной, к тому же необычно долгой. Возможно, все объяснялось ранней смертью матери; он ее почти не знал. В воспоминаниях образ матери предстал преображенным; он думал о ней с глубочайшим почтением. Отец по делам правителя мелкого княжества много разъезжал и растил сына в интернатах. Потом отправил на учебу в Геттинген. Там Герхард жил у тетки, которая с возрастом стала несколько чудаковата. Жизнь в ее большом доме, где почти никто не бывал, соответствовала его склонности к одиночеству, так он себе нравился. Мир книг и мечтаний его вполне удовлетворял, хотя уклониться от притязаний общества — профессоров, однокашников, сословных знакомств — удавалось не всегда. Учебу Герхард закончил в положенный срок, а потом дальний родственник (Герхард называл его дядюшкой), господин фон Циммерн, вытащил его в этот город и прикрепил к посольству в одном из чинов, что так хорошо смотрятся на визитных карточках.

Своеобразие Герхарда, вызывавшее симпатию и одновременно изумление, привлекало внимание и в новом окружении, со временем все более. Недавно, после очередного приема, госпожа фон Циммерн перед сном сидела с супругом в салоне, они обсуждали гостей.

— Твой племянник очарователен, однако тебе не кажется, что ему чего-то не хватает? Для человека без малого двадцати пяти лет он, по-моему, почти непозволительно ребячлив. Ты должен уделять ему больше времени. Он слишком нелюдим.

Посол, уставший за день, улыбнулся и погладил руку жены.

— Лучше заниматься им поменьше. Я знал, почему так важно, чтобы он поселился на отдельной квартире. Его преимущество ты считаешь недостатком, Элизабет. Герхард прекрасно воспитан, почтителен, рыцарствен. Посмотри на его лицо, оно не может обмануть. Мне нравится наш мальчик, и я всегда рад, когда вижу его в чванливом обществе, исполненном пустого совершенства. Таким мечтателям известна цена вещей и их назначение. В моей молодости они встречались чаще, а потом нередко творили историю. Однако после основания новой империи они вымирают — плохой знак. — Господин фон Циммерн встал с кресла и прикурил от лампы последнюю сигару. — Герхард похож на своего отца, вместе с кем я провел свои ольденбургские годы. Потом тот стал *homme d'affaires** недюжинного самообладания, каким ты его знаешь. С Герхардом, скажу я тебе, будет так же. Бывают встречи,

* Делец (фр.). — Здесь и далее причем. пер.

кристаллизующие то, что сперва порождает лишь смутные раздумья.

Встала и госпожа фон Циммерн; было уже поздно, и она завершила разговор:

— Наверное, ты прав. Правда, встречи бывают роковыми. В Герхарде мне мешает не то чтобы наивность, хотя она нередко выходит за рамки. Его сущность все компенсирует. Его любят, а это нивелирует смешное. Но иногда он видится мне куклой, существом, выдуманным в далеких краях и по ошибке попавшим в мир, чьих правил и ловушек не знает. Вот в чем опасность. Такое существо, чтобы выжить, будет зависеть от тех, кто тоже прибыл издалека, — от детей, фей, мудрых волшебников.

Посол простился, поцеловав жене руку:

— Насколько мне известно, по меньшей мере один добрый дух обитает совсем недалеко от него. Он будет тебе благодарен.

3

Герхард был среднего роста и хрупкого, почти мальчишеского сложения. Легкая походка, мягкие волосы, узкое, почти не тронутое загаром лицо производили впечатление человека одновременно сильного и беззащитного, человека, обладающего силой, но не средствами,